НОВЫЕ ИЛИ МЕНѢЕ ИЗВѢСТНЫЕ ВИДЫ И РАЗНОВИДНОСТИ РАСТЕНІЙ, ДИКОРАСТУЩИХЪ НА ЖМУДИ.

Кс. Амвросія Коссаржевскаго. (*)

I.

Послѣ того какъ Линней совершилъ большой переворотъ въ ботаникѣ, ученики и послѣдователи его разсѣялись по всѣмъ странамъ, стараясь вездѣ примѣнять новую половую систему. Это стремленіе ихъ было вызвано крайнею необходимостью подчинить все растительное царство подъ одно общее правило. Въ слѣдствіе чего, не обращая должнаго вниманія на болѣе или менѣе извѣстную растительность собственнаго отечества и сосѣднихъ земель, они спѣшили посѣщать самыя отдаленныя и неизвѣстныя страны, чтобы новыми открытіями обогащать свои ботаническія коллекціи, и такимъ образомъ собирать сколь возможно болѣе данныхъ для науки.

Послѣ введенія во всеобщее употребленіе новой половой двуименной системы послѣдующему поколѣнію предстоялъ трудъ изслѣдовать собственную флору, какъ болѣе доступную каждому трудолюбивому наблюдателю, ибо современники Линнея не были въ состояніи окончить начатое ими поприще. По этой причинѣ современные ботаники съ рвеніемъ стараются дополнить начатый своими предшественниками трудъ, однако, надо сознаться, менѣе, чѣмъ слѣдуетъ, обращаютъ вниманіе на родныя и сосѣднія земли. Всегда видна какая-то страсть къ заморскимъ новостямъ, и напротивъ пренебреженіе

(*) Перевелъ съ Польской рукописи Д. Ч. Урбанъ Стецевичъ.

всего близкаго и роднаго. Быть можетъ, это-мода или общая болѣзнь ума человѣческаго, что отдаленные предметы представляютъ намъ болѣе интереса, а напротивъ ближайшими мы пренебрегаемъ именно потому, что ихъ всегда видѣть можемъ. Это дѣлается постоянно нетолько въ отношеніи того предмета, о которомъ разсуждаемъ, но вообще и во всѣхъ прочихъ предметахъ тоже самое повторяется. Прежніе поэты наши обыкновенно воспѣвали древнія и баснословныя преданія о греческихъ приключеніяхъ, тогда какъ въ своей землѣ имѣли предметы гораздо болѣе занимательнѣйшіе. Лингвисты отыскивали древнѣйшій языкъ въ Восточной Индіи и изслѣдовывали его, тогда какъ при Балтійскомъ морѣ между Литовцами имѣютъ языкъ, болѣе древній чѣмъ Санскритскій уже умершій (см. нашу статью помѣщенную въ „Zbiorowem Piśmie Wileńskiem“ за 1859 годъ, подъ заглавіемъ: „*Znaczenie języka litewskiego we względzie naukowym*“); точно также ботаники и любители флоры искали и нынѣ ищутъ (отчасти похвально) новостей въ царствѣ растительномъ, путешествуя слишкомъ тысяча миль за океаномъ, тогда какъ въ родной странѣ могутъ найти не только множество новыхъ разновидностей растеній, но и виды до настоящаго времени неизвѣстные въ наукѣ.

Со временъ Линнея и Жюсье (Jussieu) Европа имѣла много ученыхъ писателей и путешественниковъ, которые исключительно занимались собираніемъ и описаніемъ европейскихъ растеній, однако, ктобы повѣрилъ, что страны сосѣднія даже средней европѣ, въ ботаническомъ отношеніи едва только поверхностно изслѣдованы. Къ числу такихъ забытыхъ мѣстностей принадлежитъ малая прибалтійская земля, лежащая по правой сторо-

нѣ нижняго теченія Нѣмана, именуемая Жмудью или Самогитіею. Это почти— terra incognita для различнаго рода наблюдателей, которымъ еще много будетъ стоить труда, чтобы они могли похвастаться знакомствомъ съ нею. Когда мы еще въ юныхъ лѣтахъ пріобрѣли первоначальныя свѣдѣнія въ ботаникѣ, то, читая сочиненія извѣстныхъ нашихъ ботаническихъ писателей Кс. Клюка и обоихъ Юндзилловъ, полагали, что на Жмуди, въ которой нѣтъ ни Альповъ, ни Карпатовъ, ничего новаго въ отношеніи растительности найти и открыть невозможно; однакожъ въ послѣдствіи убѣдились, что въ маленькомъ царствѣ здѣшней флоры скрывается много еще предметовъ неизвѣстныхъ авторамъ выше упомянутыхъ сочиненій. Жмудь въ срединѣ болѣе гористая чѣмъ низменная, перерѣзанная многими рѣчками, съ одной стороны ограниченная Нѣманомъ, съ другой же омываемая Балтійскимъ моремъ, заключаетъ довольно значительное разнообразіе въ видахъ и разновидностяхъ растеній. Ни одинъ еще изъ иностранныхъ ботаниковъ ex professo не изслѣдовалъ и не описывалъ этой мало допынѣ извѣстной страны; только нѣкоторые мимоѣздомъ посѣщали и осматривали ее (напр. I. Юндзиллъ). Мѣстные любители флоры, особенно изъ духовенства, если нѣкоторые занимались ботаникою, то не съ цѣлію объявлять свои наблюденія, но только для удовлетворенія собственной любознательности и для ознакомленія съ окружающею ихъ природою (напр. Кс. Ф. Марцинкевичъ).

Исключеніе составляютъ нѣкоторые наши любительные дѣятели на полѣ науки, какъ то: ученый Баронъ Рейне, устроившій въ своемъ имѣніи Реновѣ прекрасный ботаническій паркъ; Лаврентій Ивинскій, членъ ученыхъ обществъ; покойные натуралисты: Кс. Іосифъ Федоро-

вичъ жившій въ м. Иллукшты и одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ священниковъ Кс. Амбросій Пабрежа, авторъ нѣсколькихъ ботаническихъ сочиненій на жмудскомъ языкѣ, изъ которыхъ особенно замѣчательно: „*Tajslus Auguminis*,“ т. е. растительная система или подробная ботаника (фоліантъ въ 980 страницъ), гдѣ кромѣ извѣстныхъ авторамъ растеній, описываетъ много незнакомыхъ (болѣе 18 новыхъ видовъ и болѣе 100 разновидностей), которые онъ видѣлъ въ западной, т. е. при морской части Жмуди, частію же въ сѣверной на границѣ съ Курляндіею. — О трудахъ Кс. Пабрежа, находящихся еще въ рукописи, мы имѣемъ подробное извѣстіе въ сочиненіи Епископа Волончевскаго, подъ заглавіемъ: *Епископство Жмудское*,“ („Żemajtiu Wiskupiste,“ во второй части на стр. 71-75) и указаніе въ „Opisaniu Roślin“— Іосифа Юндзилла (на страницѣ 424).

Кс. Пабрежъ родился въ 1771 году въ окрестьностяхъ Шкудъ, посѣщалъ Виленскую Академію до 1794 года, вступилъ въ духовное званіе въ Эпархіи Жмудской, потомъ по собственному желанію поступилъ въ Монахи и съ 1816 года до самой смерти проживалъ въ Кретинговскомъ Бернардинскомъ Монастырѣ, посвящая послѣдніе дни своей жизни съ большимъ рвеніемъ обязанностямъ своего сана и любимой имъ ботаникѣ. Въ теченіи своей жизни написалъ онъ болѣе семи книгъ духовнаго содержанія, и столько же сочиненій различнаго объема о ботаникѣ. Сочиненія его до сего времени не были въ печати, и, кто знаетъ, будутъ ли когда нибудь изданы. Желая представить образецъ его растительно — авторскихъ трудовъ, и для подтвержденія того, что выше упомянуто о Жмудской флорѣ, мы намѣрены въ переводѣ нашемъ на Латинскій и Польскій языки, вмѣстѣ съ Жмуд-

скимъ текстомъ автора, издавать нѣкоторыя его описанія растеній, не находящіяся даже въ шестнадцатомъ изданіи— „C. Linnei systema vegetabilium“— Шпренгеля, въ сочиненіяхъ обоихъ Юндзилловъ, въ „Florze Polskiej“— Якова Ваги, въ восьмомъ изданіи Руководителя (Anleitung etc.) Германской флоры П. Ф. Кюрье (Cürie) 1852 г., въ подручныхъ книгахъ флоры Остзейскихъ губерній Фрибе (Friebe) и Гринделя (Grindel), а также невстрѣчаемыя въ сочиненіяхъ слѣдующихъ авторовъ: Персона (Person) „Species plantarum“ 1817 г., Гагена (Hagen) „Preussens Flora 1818 г., Вохера (Vaucher) монографія хвощей, Блюффа (Bluff)“ Compendium Florae Germaniae“ 1825 г., Линка (Link) „Handbuch zur Erkennung“ etc. 1829 г., Вальрота (Valroth) Нѣмецкая флора тайнобрачныхъ 1831 г., Бессера (Besser) „Enumeratio plantarum“ 1822 г., Кс. Клюка „Dykcyonarz Roślin“ и т. д. Изъ числа вновь составленныхъ Кс. Набрежомъ видовъ и разновидностей только nadecznik nurkowaty упомянутъ у Іосифа Юндзилла подъ видовымъ именемъ badiaga fluviatilis, и storczyk przenikający у Дзярковскаго подъ названіемъ Orchis fragrans.

Въ нашемъ переводѣ съ Жмудскаго языка на Латинскій и Польскій мы употребили слова и выраженія вполнѣ научныя (техническія), пользуясь частію „Słównikiem wyrazów botanicznych“ Александра Илавскаго 1830 года, что однако стоило намъ немало труда, по той причинѣ, что мы не имѣли подъ рукою ботаническаго словаря самого автора подъ заглавіемъ: „Żodins bilun augminiczinin lotin-žemajtinin“ и еще одного сочиненія того же автора „Sryje balseninin bilun žemajtinin-lotininin“; мы же должны были сами собирать и сравнивать слова и выраженія, разбросанныя во всемъ его сочиненіи,

особенно когда нужно было сдѣлать переводъ словамъ означающимъ цвѣтъ Кс. Набрежъ, написавъ свое сочиненіе, старался по возможности точнѣе передать звукъ рѣчи приморскихъ Жмудиновъ, и потому правописаніе его въ жмудскомъ текстѣ значительно разнится отъ польскаго, что непривичному затрудняетъ чтеніе, и по этой причинѣ мы съ своей стороны признали необходимымъ измѣнить нѣсколько орѳографію автора, т. е. сблизить ее съ польскою, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ употребляетъ этотъ способъ. Языкъ же мы старались сблизить съ восточнымъ діалектомъ, который въ склоненіяхъ и окончаніяхъ болѣе выразителенъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его описаній до такой степени стекаются гласныя буквы и маскируютъ слоги, что безъ звуковъ живой рѣчи, едва возможно письменно различать роды и падежи. Въ слѣдствіе чего мы замѣнили *y* автора на польское *j* или *i*, иногда же на *e*; его же *yi* на наше *ij*; *ó* на *u*; *ói* на *ü*; концевыя *aa*, *ee* на *aj*, *ej*; и вездѣ вмѣсто двойныхъ гласныхъ, находящихся въ срединѣ словъ, мы употребили тѣже буквы единичныя со знакомъ ʌ.

II.

Прежде чѣмъ приступимъ къ систематическому описанію новыхъ видовъ и разновидностей, мы желали бы сказать нѣсколько словъ объ извѣстныхъ уже растеніяхъ, и вообще о томъ, что изъ растительнаго царства въ нашей землѣ заслуживаетъ бо́льше вниманія. Здѣсь идетъ рѣчь о Жмудской землѣ, которая простирается не только до рѣки Невяжи, т. е. до границъ бывшаго Литовскаго княжества, но занимаетъ все пространство, гдѣ господствуетъ жмудское народонаселеніе. Именно страна

эта ограничена съ юга русломъ нижняго теченія Нѣмана, съ запада Балтійскимъ моремъ — до рѣки Свѣнты (Hejlige-Aa), съ сѣвера Курляндіею до Жагоръ, съ востока болѣе или менѣе кривою линіею, идущею чрезъ Жагоры, Куршаны, Шидлово и Таурогенъ.

Въ срединѣ вышеозначеннаго пространства возвышаются довольно значительные хребты горъ, простирающіеся почти параллельно съ руслами двухъ значительнѣйшихъ рѣкъ: Дубиссы и Венты, то есть въ сѣверо-западномъ направленіи. Самый высокій пунктъ на Жмуди составляетъ гора, называемая прежде Замковою, Medwajgalis или Medwiegalis въ Колтынянскомъ приходѣ, возвышенная почти на 763 англійскихъ футовъ надъ поверхностью Балтійскаго моря, около трехъ саженей выше извѣстной горы Шатріи близъ Лукникъ.

Разширенное основаніе этихъ возвышенностей занимаетъ бо́льшую часть Жмудской земли, и понижается съ одной и другой стороны, особенно къ морю, не постепенною и незамѣтною покатостью, но сразу нѣсколькими крутыми уступами, разорванными около береговъ моря, и кое-гдѣ округленными на подобіе розы, образуя постепенно поднимающіяся террасы, похожія вмѣстѣ съ возвышенными равнинами на тарелку, о прокинутую на столѣ.

Жмудь слѣдовательно, за исключеніемъ приморья и мѣстностей отдаленныхъ отъ центра, имѣетъ поверхность довольно возвышенную, по климату же она принадлежитъ къ умеренному поясу, однако уже напоминаетъ холодный климатъ сѣверныхъ странъ Европы (аисты едва могутъ гнѣздиться въ Лифляндіи за рѣкою западною Двиною, далѣе же почти не залетаютъ); по этому вмѣстѣ съ нѣкоторыми растеніями южной Европы мы встрѣчаемъ здѣсь

и тѣ, которыя свойственны полярнымъ странамъ. На болотѣ Debesnas близъ мѣстечка Ворне, равно какъ на другихъ подобныхъ ему болотныхъ мѣстностяхъ возлѣ саженныхъ лапушниковъ — łoniczewi żółtych (nuphar luteum), большихъ кувшинокъ — grzybieni (nymphaea alba) и дородныхъ куреслѣповъ — kaczyńców (caltha), растутъ какъ въ собственномъ отечествѣ тундрыстые мхи, царскія очи — skalnice żółte (saxifraga hirculus) и кустарныя березки (betula fruticosa *), въ близкомъ сосѣдствѣ съ просвирками — ślazami drobnokwiatowemi (malva borealis) и Исландскими мхами — porostami islandskiemi (cetraria islandica). Тоже въ Полангенѣ въ сосѣдствѣ хлопушки — lepnicy nieco-rozwartej (silene patula) и Икотника — smagliczki górnej (alyssum montanum), бываютъ выбрасываемы изъ морской воды растущія тамъ же водоросли — morszczyny guzowate (fucus nodosus) и ра-

(*) Нѣкоторыя изъ этихъ березокъ зрѣютъ и приносятъ обильныя сѣмена, имѣя только аршинъ вышины, и толщины небольше гусинаго пера Чешуйки женскихъ сережокъ неодинаковы и большею частью отличны отъ чешуекъ наблюдаемыхъ около Щучина и Вонсоша Яковомъ Вагою, и въ Жагорахъ на пастбищахъ селенія Пабале Ксендзомъ Пабрежомъ. На Дебеснѣ онѣ трилопастны, глубоко разсѣчены, всѣ три лопасти одинаковой ширины, только средняя длиннѣе и ланцетовидной формы; верхушки всѣхъ разширены и какъ бы сплющены съ краями рѣсничными и загнутыми вовнутрь, образующія въ боковыхъ лопастяхъ ромбоидальныя вырѣзки съ тремя зубчиками, похожими на зачатки трехъ новыхъ лопастей. Чешуйки и сѣмена, будучи взяты свѣжими съ дерева, имѣютъ свойство взаимнаго притяженія и цѣпляются къ желѣзу, даже высушенныя удерживаютъ еще слѣды магнетизма. Въ этомъ отношеніи самыя чувствительныя мѣста составляютъ ямки на внутренней гладкой поверхности чешуекъ. Мы дѣлали эти наблюденія въ Ноябрѣ мѣсяцѣ при сухой и ясной погодѣ. Изъ этого можно сдѣлать предположеніе, что не только въ цвѣтахъ могутъ образоваться электрическія искры, какъ это впервые замѣтила дочь знаменитаго Линнея въ цвѣткѣ настурціи, но и магнетизмъ долженъ содержаться и дѣйствовать во всѣхъ растеніяхъ, какъ и въ металлахъ.

ciórkowce strąkowe (cystosira siliquosa), которыхъ отечество — Ледовитое море. Въ сосѣдствѣ Жмуди, въ тѣнистыхъ лѣсахъ Вилкомирскаго уѣзда растетъ Княженика — malina Tekszla (rubus areticus), а на топкихъ болотахъ около Юрбурга растетъ береза карловатая — brzoza karłowa (betula nana) вмѣстѣ съ ивами, которыя далѣе всѣхъ деревъ распространены на сѣверѣ. Кромѣ того Жмудь и Литва, какъ земли, лежащія ближе къ сѣверу, составляютъ отечество каменной ольхи — olchy białej (alnus incana) которая рѣдко попадается въ Минской губерніи (какъ насъ въ этомъ увѣряли) и въ Царствѣ Польскомъ, а здѣсь образуетъ цѣлыя рощи на возвышенныхъ и влажныхъ мѣстахъ, т. е. глинистыхъ пастбищахъ; она же въ подобныхъ мѣстахъ составляетъ главную основу лѣсовъ и рощъ, точно также въ мѣстахъ менѣе глинистыхъ лещина играетъ подобную роль, на пескахъ и горахъ можжевельникъ, а въ болотахъ ивы или лозы.

Здѣшній климатъ, хотя на маломъ пространствѣ, неодинаковъ: близъ Балтійскаго моря *морской* — зима менѣе снѣжная и короче; на возвышенностяхъ нѣсколько суровѣе — зима продолжительнѣе и обильнѣе снѣгомъ. Весною санній путь всего позже изчезаетъ на плоской возвышенности между мм. Новонденемъ и Хвалойнями (Pawundenis ir kołajnej) — возлѣ источниковъ рѣки Венты. Къ югу ниже Шилель, Абелина и Упины температура быстро умѣряется, какъ будьто вдругъ уменьшилось нѣсколько градусовъ географической широты (тоже показываетъ присутствіе здѣсь темнаго цвѣта лягушекъ (bombinator Merr) которыхъ кваканье можно слышать почти вездѣ на пространствѣ отъ Тенень и м. Ботокъ до Трашкунъ и далѣе, и которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ средней ча-

сти Жмуди), дѣлая подобную разницу въ климатѣ южной и средней Жмуди, какая замѣчена въ Царствѣ Польскомъ между климатомъ Варшавы и окрестностей надбебержанскихъ. Линія, раздѣляющая страну болѣе теплую отъ холодной (особенно весною), не имѣетъ здѣсь никакого отношенія къ морскому берегу, но идетъ на востокъ въ направленіи Россіенъ и Поневѣжа, составляя стеченіе какихъ-то *изохименическихъ* или *изотерическихъ линій*, или же, быть можетъ, показывая только различіе въ положеніи поверхности страны: посѣвъ и сборъ хлѣба почти двумя недѣлями бываютъ раньше въ окрестностяхъ, лежащихъ ближе Нѣмана, нежели въ окрестностяхъ Ворне и Тельшъ, т. е. средней Жмуди. Однако просо — proso-jagła (panicum miliaceum), засѣваемое въ окрестностяхъ Кретингена, какъ пишетъ Кс. Набрежъ, никогда не созрѣваетъ и не приноситъ спѣлыхъ зеренъ; это противурѣчило-бы болѣе умѣренной тамъ температурѣ, ибо мы знаемъ, что просо, засѣваемое въ Кенстайцяхъ, лежащихъ въ десяти верстахъ къ сѣверо-западу отъ Тельшъ въ нѣкоторые годы совершенно созрѣвало Кукурузу (Zea Mays), воспитываемую въ Кретингенѣ, мы имѣемъ совершенно зрѣлую; она же созрѣваетъ и въ Ворненскихъ огородахъ, но не каждый годъ.

Приступая къ разсматриванію дикорастущихъ растеній, мы прежде всего обращаемъ наше вниманіе на ихъ повсемѣстное распространеніе по земной поверхности, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ, если вѣрить даннымъ имъ именамъ, имѣютъ свое мѣстопребываніе и въ новомъ свѣтѣ за Атлантическимъ Океаномъ, и въ старомъ свѣтѣ на Жмуди. Къ числу подобныхъ растеній принадлежатъ: przymiotno drobnokwiatowe (erigeron canadense) — самое обыкновенное и повсемѣстное у насъ растеніе; есть даже

нѣсколько его новыхъ видоизмѣненій, наблюдаемыхъ Кс. Набрежомъ, какъ то: przymiotno drobnokwiatowe niewielekwiatowe (erigeron canadense pauciflorum) и przymiotno drobnokwiatowe karzeł (erigeron canadense nanus), оба эти видоизмѣненія растутъ въ Кретингенѣ, на осыпающихся краяхъ рѣки Акмуна, насупротивъ приходскаго кладбища; третее новое видоизмѣненіе — przymiotno drobnokwiatowe bardzo gałęziste (erigeron canadense ramosissimum, открытое тѣмъ же натуралистомъ на обрывающихся берегахъ рѣки Миніи, въ Плунгянскомъ приходѣ, въ деревнѣ Парвайшей, въ застѣнкѣ поселянина Sâle. Слѣдовательно растеніе это, растущее у насъ въ такомъ обильномъ количествѣ и имѣющее столько разновидностей, очевидно природно Жмуди, а не привезено изъ Америки, какъ полагаютъ нѣкоторые ботаническіе писатели. Даже кропило водяное — wiesiołek dwuletni (oenothera biennis), растущее почти дико въ сельскихъ, огородахъ на Жмуди, а также обитающее и въ сѣверной Америкѣ, и будто привезенное изъ Виргиніи въ 1614 г. и разведенное въ Европѣ, также составляетъ, мнѣ кажется, мѣстное и предвѣчное у насъ растеніе. Тѣмъ болѣе, что оно на Жмуди имѣетъ народное названіе nàkwysza, а въ Польшѣ иногда подъ именемъ nocnéj świécy вездѣ, какъ сорная трава, очень обыкновенное растеніе на песчаныхъ поляхъ, по краямъ дорогъ и лѣсовъ обильно растетъ: тоже въ Литвѣ, даже около Риги и въ Швеціи самородно засѣвается. Кромѣ przymiotna drobnokwiatowego изъ Канады, и wiesiołka dwuletniego изъ Виргиніи, мы имѣемъ еще gronowiec Wirginski (botrychium virginicum) — растеніе свойственное Америкѣ и Европѣ. Оно растетъ на Жмуди въ сырыхъ мѣстахъ, поросшихъ кустарникомъ, около Векшнь (Wiksznej), надъ рѣкою

Вентою (по нѣмецки Windau), и въ Литвѣ около Нѣменчика надъ Виліею (Антонъ Корсакъ). Неужели и это растеніе, некрасующееся пышными цвѣтками, даже непринадлежащее къ явнобрачнымъ, размножено сѣменами, привезенными изъ Виргиніи?! Пусть ученые обратятъ на это свое вниманіе! — Что касается насъ, то не сомнѣваемся, что это растеніе мѣстное, самородное и никогда засѣваемо не было. Если мы пожелаемъ разсматривать и сравнивать флоры за — Атлантическія съ нашими, то найдемъ еще болѣе видовъ растеній, свойственныхъ Старому и Новому Свѣту, хотя не во всѣхъ признакахъ сходныхъ, однако очень сближенныхъ между собою. (*) — Уже Кс. Набрежъ находилъ много подобныхъ растеній, и помѣстилъ ихъ въ своемъ сочиненіи. Такъ въ Плунгянскомъ приходѣ, въ деревнѣ Нарвайшей въ околодкѣ Sâle walszczionijs, надъ рѣчкою Миніею, съ восточной стороны онъ нашелъ фіалку, очень сходную съ фіалкою круголисткою — (viola rotundifolia), растущею въ сѣверной Америкѣ. Въ Кретингенѣ, близъ Трайденъ, на лугахъ онъ нашелъ растеніе совершенно похожее на Горечавку — goryczka ostra (gentiana acuta), растущую въ сѣв. Америкѣ. Въ Плотельскомъ приходѣ, за Бержорою, около озера Bajôru, на болотахъ Набрежъ нашелъ неизвѣстный еще видъ Melampyrum, описанный имъ подъ именемъ pszeńca równowązkiego (melampyrum lineare), который растетъ въ сѣв. Америкѣ. Еще на Жмуди на-

(*) Тѣже отличія, какія мы замѣчаемъ между отдаленными по мѣсту растеніями, не покажутся намъ столь важными, если обратимъ вниманіе, что даже въ одной и тойже мѣстности растущіе виды, при различныхъ условіяхъ, часто бываютъ различной наружности, какъ это всего очевиднѣе можно замѣтить на рдестѣ — rdeście zimnowodnym (polygonum amphilium) и лютикѣ — jaskrze wodnym (ranunculus aquatilis.)

шелъ онъ весновку — wiosnówkę, тоненькую какъ волосъ, со стеблемъ въ одинъ дюймъ вышиною, похожую на wiosnówkę mszystą (draba muscosa), растущую по ту сторону экватора, въ Перу, въ сосѣдствѣ Тихаго моря. Слѣдовательно, не представительница ли это своихъ сестерь, растущихъ не только въ за-Атлантическихъ земляхъ, но и въ другомъ земномъ полушаріи. Видѣлъ онъ также растеніе, очень похожее на wiosnówkę Nietotę (draba Arabis), которая растетъ въ сѣв. Америкѣ, и тѣмъ только отличается, что имѣетъ стручечикъ (silicula) короче плодовой ножки (pedicellum).

Въ Жагорахъ, за Набалеями, на болотистыхъ лугахъ, около канавы, наполненной водою, нашелъ онъ хвощъ, похожій на equisetum uliginosum — skrzyp trzęsawicowy, растущій въ Пенсильваніи; если это не видоизмѣненіе equisetum limosum — skrzypu glejowego, и если мы удостовѣримся въ тожественности видовъ упомянутыхъ растеній, то получимъ новое доказательство, свидѣтельствующее объ единствѣ многихъ предметовъ нашего континента съ Американскимъ.

Изъ числа растеній Стараго Свѣта растутъ у насъ: быльникъ — wiosnówka murowa (draba muralis), свойственная всей Европѣ и сѣверной Африкѣ, откуда привезена къ намъ, столько прославляемая въ народныхъ пѣсняхъ Рута — ruta ogrodowa (ruta graveolens). Видъ свойственный Малой Азіи Шолобольникъ — chaber pierzasty (centaurea phrygia), растетъ на Жмуди около зарослей и на возвышенныхъ лугахъ, а также видъ горчицы synapis orientalis — gorczyca wschodnia растетъ у насъ, равно какъ на востокѣ. Слѣдующіе виды общи съ Сибирью: косатикъ луговой kosaciec łąkowy (iris sibirica), называемый въ просто-народіи wyłka Dalgialej,

растетъ въ Тельшевскомъ, Шавельскомъ, Россіенскомъ и Поневѣжскомъ уѣздахъ, на сырыхъ. поросшихъ кустарниками, лугахъ; ежесѣмянка — stroszek bardanek (echinospermum lapulla), растетъ на холмахъ около Илунянъ и Кретингена, а также въ Волынской и Подольской губерніяхъ и около Томска; горечавка узколистная — goryczka wązkoliścia (gentiana pneumonanthe), по Жмудски Dûrants, растетъ на сырыхъ лугахъ такъ на Жмуди, равно какъ въ окрестностяхъ Томска— можно ее найти въ Горждахъ, насупротивъ у Ежайтей, на лугахъ, называемыхъ lendymaj, дягаль — arcydzięgiel lokarski (archangelica officinalis) растетъ на сырыхъ мѣстахъ около Корцянъ, Погромонця и Поюржа, равно какъ около Томска; торица — sporek kolankowaty (spengula nodosa), по Жмудски gaurіs растетъ у насъ и около Томска; шандра — marzymięta jednostronna (elsholzia cristata), въ простонародно mejlisa или wokiszkoje mietra, свойственная такъ окрестностямъ озера Байкала, равно какъ нашей странѣ; именно растетъ въ Бейсаголѣ, Шавляхъ и Ворняхъ, какъ сорная трава около строеній и въ уличныхъ канавахъ; глазница — świetlik czerwony (ouphrasia v. bartsia odontiles) растетъ въ окрестностяхъ Иркутска и у насъ на пашняхъ, и когда между житомъ, на выгонахъ и въ сырыхъ мѣстностяхъ.

Кромѣ отдаленныхъ земель другихъ частей свѣта въ самой Европѣ мы найдемъ довольно примѣровъ, свидѣтельствующихъ, какъ далеко обитаютъ одни и тѣже виды различныхъ растеній. Такъ чаровница czarnokwit pospolity (circaea lutetiana) растетъ во Франціи въ окрестностяхъ Парижа и у насъ въ рощахъ и тѣнистыхъ и сырыхъ лѣсахъ, особенно около имѣнія Рингѣвскаго въ Погромонцкомъ приходѣ; Залѣсъ трава — gądziel małoli-

ścia (ajuga genovensis), какъ само названіе ея показываетъ, свойственная южной Швейцаріи, около Женевы, такъ и Жмуди на сухихъ лугахъ, въ зарослякъ и рощахъ; ситникъ — sit botnicki (juncus botnicus) находится такъ въ провинціи Нордландіи въ Норвегіи, равно какъ въ приморскихъ топкихъ мѣстностяхъ Полангена. Завислянское приморье напоминаетъ намъ между прочими слѣдующія растенія: козелецъ — jaskier kaszubski (ranuoculus cassubicus), растущій на Жмуди на лугахъ, поросшихъ кустарниками, а именно въ лѣсахъ около деревни Wecziej Шкудскаго прихода; и вика — wyka prosta (vicia cassubica), растущая на Жмуди, на травянистыхъ холмахъ. Кокорышъ — dymnica Waillanejusza (fumaria Vaillantii) растетъ въ южной Европѣ и на Жмуди между житомъ, на песчаныхъ поляхъ деревни Цвельцѣнай Горждовскаго прихода. Общія съ Подольскою губерніею растенія суть: земляника горная — poziomka górna (fragaria collina), называемая у Прусскихъ Жмудиновъ briszé, растетъ на холмахъ около Смолина и въ Горждовскомъ приходѣ, близъ деревни Цвельцѣнай, около рѣки Zwelta, на сухихъ и травянистыхъ мѣстахъ; ландышъ широколиственный — konwalia szérokoliścia (convallaria latifolia), растущій на покатостяхъ береговъ рѣки Миніи, покрытыхъ зарослями, близъ деревни Шашайтей Горждовскаго прихода; мята австрійская — mięta austryacka (mentha austriaca), найденная Кс. Набрежомъ въ Корцянахъ при мостѣ, надъ ручьемъ, текущимъ въ рѣку Минію.

Тотъ же натуралистъ наблюдалъ на Жмуди множество другихъ растеній, сходныхъ съ иностранными, только не осмѣливался принимать ихъ за тожественныя, по той причинѣ, что онъ всегда находилъ въ нихъ хотя маловажные отличительные признаки, которые про-

исходили вѣроятно отъ различія почвы и отъ вліянія солнечныхъ лучей. Такъ близъ Корцянъ, около Шведскаго замка (pyle), на пашняхъ онъ нашелъ весновку, сходную по описанію съ весновкою малѣйшею — wiosnówka najmniéjsza (draba minutissima) растущую въ окрестностяхъ Константинополя; въ Погромонцѣ, на супротивъ Рингавской мельницы, на возвышенныхъ покатостяхъ нашелъ онъ растеніе, совершенно похожее на campanula bononiensis— dzwonek bonoński, растущій на Альпійскихъ горахъ, и вѣроятно свойственный всей Италіи; въ Вѣжайцяхъ, около заборовъ тамошняго священника, на супротивъ амбара, нашелъ онъ растеніе, похожее на vicia cordifolia wyka serduszkowata, которое растетъ въ Каринтіи. Кромѣ того въ Жагорахъ, около горы Костюшки, можно найти фирлотку, похожую на lychnis flos Jovis— firletka Jowiszowa, свойственную южной Европѣ; въ Горждахъ, около горы Diglis, можно видѣть растеніе, похожее на melampyrum barbatum— pszeniec brodaty, растущее въ Венгріи между житомъ; въ Кретингенѣ, около рѣки Тенжи, размножается nasturtium ancerpsrukiew obosieczna— которая растетъ въ Германіи и Швеціи; не вспоминая о другихъ мѣстностяхъ на Жмуди, гдѣ въ кустарникахъ и на возвышенныхъ лугахъ встрѣчается geranium phaeum— bodziszek brudno-czerwony, замѣчаемый въ Волынской и Подольской губерніяхъ, также растенія похожее на thalictrum squarrosum— rutewka nastroszona, которое растетъ въ Сибири; не обращая вниманія на растущую въ зарослях, въ тѣнистыхъ мѣстахъ и около заборовъ звѣздчатку— gwiazdnica trawiasta (stellaria graminea), которая находится у насъ и около Томска; осотъ очень похожій на carduus temziflonusoset cieńkokwiatowy, растущій въ Ев-

ропѣ, именно въ Германіи и Англіи; наконецъ лузулу, очень похожую на лузулу многоцвѣтную— laniczka wielokwiatowa (luzula multiflora), растущую въ Швеціи и Германіи. Эти и имъ подобныя растенія достаточно свидѣтельствуютъ и убѣждаютъ, какъ обширно ихъ отечество, и какъ трудно назначить границы ихъ мѣстопребыванія.

Къ числу альпійскихъ растеній, свойственныхъ высокимъ горамъ и дикорастущихъ на Жмуди, относятся слѣдующіе виды: чаровница альпійская— czarnokwit alpejski (circaea alpina), любящая тѣнистыя мѣстности и густые лиственные лѣса, находится на выгонѣ Кретиновскаго монастыря, около ручейка, близъ пруда; ива миртовая— wierzba mirtowata (salix myrsinites), растущая на Альпійскихъ горахъ въ Европѣ и около Лаксодзь, близъ Курляндской границы; пушицы альпійская— wełnica alpejska (eriophorum alpinum), растущая въ низменныхъ, болотистыхъ и мшистыхъ мѣстахъ; овсяница альпійская— kostrzewa alpinska (festuca alpina), растущая въ Полангенѣ на сухихъ пескахъ; szakłak górny (rhamnus alpinus), обыкновенный на Альпійскихъ горахъ и въ зарослякъ, около Плунгянъ, на возвышенныхъ берегахъ рѣки Бобрунги. Кромѣ исчисленныхъ, къ альпійскимъ и свойственнымъ Жмуди растеніямъ принадлежатъ: смородина горная— porzeczka górna (ribes alpinum), называемая въ простонародіи bedruske растущая на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ, а именно: на берегахъ рѣки Миніи, около Корцянъ, на берегахъ рѣки Алонты въ Корцянахъ, близъ Вѣляйцъ и на берегахъ Юры, въ окрестностяхъ Рипге, также въ Полангенѣ, около Стараго города, при Ardemi. Къ подобнымъ растеніямъ относятся еще: трилистникъ альпійскій Koniczy-

na dwugłówkowa (tryfolium alpestne), встрѣчаемый на Жмуди на сухихъ травянистыхъ холмахъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ кустарниками; также полевица, свойственная Жмуди, совершенно сходная съ полевицею скалистою miotła oprocznu (agrostis rupestris), растущею на высокихъ горахъ Европы; въ Кретингенѣ же на мшистыхъ лугахъ, напротивъ Случкъ обитаетъ растеніе, похожее на ястребинку альбійскую — jastrzębiec alpinski (hieracium alpinum), растущую въ Германіи и на Альпійскихъ горахъ. Еслибы по наблюденіямъ оказалось бо́льшее число подобныхъ растеній, то слѣдовало бы предполагать, что здѣшній климатъ сходенъ съ климатомъ альпійскихъ горъ, хотя здѣшняя почва значительно разнится отъ альпійской.

Вотъ какія наши замѣчанія о здѣшнемъ климатѣ и географическомъ распредѣленіи растеній; слѣдуетъ еще сказать нѣсколько словъ объ ихъ пользѣ и украшеніи нашихъ огородовъ, полей и луговъ.

(*продолженіе послѣдуетъ.*)